

Каменный рыбак

Марк Вольф

Марк Вольф

Каменный рыбак

<https://litres.ru/73937588>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если ты — инспектор Роспотребнадзора, привыкший бороться с грязью и беспорядком, а после нелепой гибели в ДТП очнулся в теле огромного тролля, в мире, где антисанитария — норма жизни, а солнце превращает тебя в камень?

По мотивам романа "Властелин колец" Джона Р. Р. Толкина и экранизации Питера Джексона.

Содержание

Все главы фанфика.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марк Вольф

Каменный рыбак

Все главы фанфика.

Смерть настигла меня на перекрёстке проспекта Мира и улицы Станиславского, аккурат у рынка. Я возвращался с внеплановой проверки, в портфеле лежал протокол осмотра, в голове крутились формулировки для акта проверки и предписания. Свет фар, визг тормозов, удар — и всё погасло. Я, Рустам, инспектор Роспотребнадзора по городу Орску, перестал существовать.

Очнулся я в аду. Первым пришёл запах — такой плотный и тошнотворный, что меня чуть не вывернуло прямо там, где я лежал. Сырая, звериная вонь немых тел, гниющего мяса, плесени и дыма. Я за свою жизнь навиделся всякого — и в подвалах общепита бывал, и на складах, где крысы пиروвали, — но такое не снилось даже в ночных кошмарах после особо тяжёлых рейдов. Темнота стояла кромешная, хоть глаз выколи. Я попытался протереть лицо, поднести руку к глазам — и замер.

Рука была не моя. Огромная, как бревно, тёмно-серая, бугристая ладонь с обломанными чёрными ногтями, больше похожими на когти. Пальцы — как сардельки, суставы узло-

ватые, кожа грубая, в каких-то наростах. Я дёрнулся, хотел закричать — и из глотки вырвался низкий, утробный рёв. Стены пещеры дрогнули, сверху посыпалась каменная крошка — или мне это только показалось со страху. Мой голос превратился в рык зверя. Я зажал пасть ладонью и почувствовал клыки — кривые, выступающие из-под губы.

Вокруг заворочались. В полумраке я различил их: такие же громадные туши лежали прямо на камнях, присыпанные обрывками шкур, обглоданными костями и каким-то тряпьем. Они ворочались, всхрапывали, рыгали. От них несло так, что даже моё новое, привычное к вони обоняние сбоило. Я был одним из них. Я стал чудовищем. От осознания этого холодом обдало затылок, и я снова чуть не заорал, но звериный инстинкт — чужой, новый — приказал замереть и молчать.

В пещеру вошли они. Мелкие твари, ростом с низкорослого подростка, но кривоногие, жилистые, с серой или зеленоватой кожей, длинными руками, злобными приплюснутыми мордами и острыми ушами. Одеты в рваное тряпье, обвешаны железом, в руках — корявые копыя, дубины, плётки. Ничего подобного я никогда не видел. Ни в одной санитарной инспекции таких уродов не значилось. Они гаркали что-то хриплое на чужом, лающем языке, смеялись, пинали моих братьев, швыряли в них кости. Те покорно жрали, чавкая.

Мне тоже кинули кость — обглоданную, но с остатками сырого мяса. Желудок сжался от голода, и это было самым

страшным: я хотел это съесть. Меня, Рустама, который два года назад выписывал штраф мясокомбинату за нарушение условий хранения, теперь мутило и одновременно тянуло к протухшей падали. Я отшвырнул кость, замотал башкой. Тварь с плёткой уставилась на меня, прищурилась, прошипела что-то угрожающее и замахнулась. Мне пришлось нагнуться и поднять эту дрянь. Я смотрел на неё, стиснув челюсть, и твёрдо решил: жрать не буду. Но страх уже поселился внутри.

Меня, бывшего инспектора Роспотребнадзора, человека, который боролся с антисанитарией, теперь запихали в тело ходячего рассадника заразы. Я горько усмехнулся про себя: судьба та ещё шутница.

Днём я узнал ещё одну страшную правду. Нас гнали по ущелью, подгоняя плётками, когда первый луч солнца пробился сквозь расщелину. Тот великан, что шёл впереди, попал под свет. Я думал, мне показалось: его кожа пошла серыми разводами, затвердела, стала каменной. Он замер на полушаге, обратившись в уродливую статую, и грохнулся бы, если бы толпа не толкнула его дальше. Мороз продрал по моей бугристой шкуре. Я вспомнил детские страшилки из аула, где бабушка рассказывала про нечисть, которая камнеет при свете. Никогда не думал, что сам окажусь такой тварью.

Я украдкой проверил на следующем рассвете: высунул кончик мизинца в серый утренний свет. Палец онемел мгновенно.

венно, кожа засерела, стала грубой. Я едва успел отдёрнуть. С тех пор солнце стало моим главным врагом — хуже, чем просроченная рыба в столовой. Я прятался днём в самых глубоких тенях, зарывался в кучи тряпья, дрожал от мысли, что тонкий луч найдёт щель и обратит меня в камень.

Но быстро выяснилась странность: луна, заливавшая ночные склоны серебром, меня не каменила. Я-то, как инспектор, привык к тому, что лунный свет — это просто отражённый солнечный, значит, и спектр должен быть похож. Однако шкура молчала. «Значит, не в физике дело, — подумал я, — а в каком-то злом колдовстве, которое действует только на прямой солнечный луч». От этого открытия стало и легче, и гаже: легче — потому что лунные ночи безопасны, гаже — потому что в колдовство я не верил даже после смерти, но шкура-то моя верила.

Но страшнее всего была мысль о доме. О том, что я больше никогда не пройду по проспекту Мира, не позвоню маме на Станиславского, не посижу с коллегами после работы в кабинете, обсуждая план проверок. Что мой стол, мои акты, мои папки — всё осталось там, а я застрял здесь, в этом кошмаре. Я понял, что должен бежать. Должен уйти на запад — туда, где горизонт по ночам чист, не затянут багровым заревом, похожим на зарево над горящим заводом. Может, там есть нормальная жизнь. Может, есть люди. Я дождусь ночи и уйду.

Я сбежал той же ночью.

Не сразу — сначала притворялся спящим, слушал, как мелкие уроды пьют своё пойло. Они нажрались какой-то кислой бурды из кожаных бурдюков. Запах стоял — смесь прокисшего зерна, крови и, кажется, склизкой болотной воды, настоящей на гнилых кореньях. У меня от одного этого амбре заворочался желудок, но я заставил себя лежать неподвижно, дышать медленно, даже всхрапывать для убедительности.

Твари вырубались быстро — сначала тот, что с плёткой, потом двое его прихлебателей, потом развалился на камнях тощий надсмотрщик с копьём. Я ждал. Ждал, пока их храп не стал ровным, а ноздри перестали подёргиваться в чутком полусне. В моей прошлой жизни, когда я ходил с внезапными проверками на копчёный цех под покровом ночи, я научился одному: пьяный сторож — не сторож. А здесь эти уроды были вдобавок сытые, а сытой твари, будь то человек или нелюдь, спится сладко.

Я начал медленно, очень медленно подниматься. Внутри, в грудной клетке, ухало так, что я боялся — этот звук разбудит мёртвых. Но каменная плоть заглушала всё. Я перекатился на бок, опёрся на локоть, замер. Тварь с плёткой что-то пробормотала во сне, перевернулась — и затихла.

Первый этап занял пять минут. Я встал на четвереньки — так меня было меньше видно в темноте. Прополз между двумя тушами, перешагнул через чьи-то ноги, обмотанные грязными тряпками. В нос ударило такой вонью немытого

тела, что я зажмурился. В голове пульсировала одна мысль: «Рустам, ты прошёл мясокомбинат "Дружба", где в убойном цехе не мыли полы три месяца. Это просто твари. Просто запах. Ты можешь.»

Выход из пещеры был завален костями и каким-то хламом. У самой щели дремал мелкий урод — часовой. Не тот, что с копьём — этот был безоружен, только дубина валялась рядом, и он привалился к ней спиной. Он спал, приоткрыв пасть с жёлтыми клыками, и в свете ущербной луны его зелёная кожа казалась сизой.

Я понял: если разбужу — не уйти. Если убью — шум. Эти твари чуткие даже во сне, а этот лежал лицом ко мне.

Я двигался в ритме его дыхания. Вдох — полшага. Выдох — замирание. Техника «тихого шага» из армейской разведки, приспособленная к трёхсоткилограммовой туше. Два года в разведроте под Оренбургом — такое не забывается, даже если тебя засунули в тело чудовища.

Мои тумбы-ноги, которые обычно гремели, как тракторные гусеницы, сейчас ставились на мягкую подушечку пятки, потом перекатывались на внешний край ступни.

Три метра до выхода. Два. Один.

Мелкий урод всхрапнул, и я замер. Его рука шлёпнула по земле — в сантиметре от моей ступни. Я не дышал. Внутри всё сжалось, я чувствовал, как бешено колотится сердце — вернее, тот огромный, медленный кулак мышц, что заменил мне сердце. Минута. Две.

Тварь затихла, перевернулась на другой бок. Я шагнул в последний раз — и оказался снаружи, в холодном влажном воздухе, который пах не пещерой, а свободой и смертью одновременно.

Я не побежал. Побег — это шум. Я пошёл быстрым, но бесшумным шагом, уходя вниз по склону, прячась за камнями и чахлыми кустами. Только когда пещера скрылась из виду, а в ушах затихли отголоски чужого храпа, я позволил себе выдохнуть — полной грудью, тем самым низким утробным рыком, который вырывался у похожих на меня чудовищ от напряжения. Луна светила мне в спину, и моя тень, огромная, когтистая, бежала впереди, ломаясь о валуны.

Я остановился у ручья. Чистого, быстрого, с каменистым дном. Наклонился — и только тогда увидел своё отражение. Даже в мутной воде оно было страшным: бугристая голова, скошенный лоб, торчащие клыки. Я долго смотрел на этого монстра, а потом отвернулся и начал пить. Холодная вода обожгла горло, но это было лучшее, что я пробовал в своей новой жизни.

Потом я посмотрел на свои руки. Грязные, в наростах, под ногтями — чёрная, вязкая субстанция, похожая на смесь запёкшейся сукровицы и пещерной плесени. Если бы я сейчас зашёл в любую столовую Орска, меня выгнали бы поганой метлой. Но хуже всего был не внешний вид, а ощущение. Я был покрыт коркой чужой, тюремной грязи, и это чувствовалось как предательство самого себя.

Я сел на камень, зачерпнул горсть мокрой глины с берега — жирной, скользкой, тёмно-серой, как пластилин. Растёр между ладонями, добавил золы из старого кострища и песка. Получилась мылкая каша. Пучок жёсткой осоки, сорванной тут же, стал мочалкой. И я принялся тереть себя — ожесточённо, до скрипа, как отмывают не просто тело, а стыд и страх.

Глина с песком скребла, но приятно, снимая верхний слой грязи вместе с отмершей кожей. Я тёр лицо, чувствуя, как скулы и надбровья освобождаются от сального панциря. Тёр шею, плечи, грудь — везде, куда мог дотянуться. Ручей вокруг меня быстро потемнел, взвесь поплыла вниз по течению. Осока ломалась, я рвал новую, снова макал в глину, снова тёр. И вдруг поймал себя на том, что шепчу: «Чистота — половина веры». Бабушкины слова.

Когда основная грязь сошла, я окунул голову прямо в ручей и долго тряс ею под ледяным потоком, промывая жёсткие, спутанные волосы. Вода затекала в уши, в нос, но я терпел. Холод только бодрил — каменная шкура, похоже, вообще не мёрзла по-настоящему, её до дрожи пробирало только солнце. Потом я сидел на камне, мокрый, но впервые за всё время ощущая своё тело почти чистым. От кожи шёл холодок, запах глины и речной свежести перебивал прежнюю вонь пещеры.

Это была моя первая победа. Маленькая. Личная. Но я запомнил её на всю оставшуюся — какую бы она ни была —

жизнь.

До рассвета оставалось не так много времени, и я двинулся дальше, уже по-другому чувствуя себя — не грязной скотиной, а существом, пусть и чудовищным снаружи, но вернувшим себе каплю человеческого достоинства.

Первые дни после побега превратились в кошмарный марфон. Я брёл ночами, прятался днём в расселинах, оврагах, под корнями исполинских деревьев, присыпая себя грязью и ветками. Один раз не успел укрыться — на рассвете вышел из густого ельника, и лучик мазнул по плечу. Кожа мгновенно закаменела. Я рванул обратно со скоростью, какой сам от себя не ожидал, снёс молодое дерево. Сидел потом, трясясь, ощупывал онемевшее место. Обошлось. Но страх остался со мной навсегда.

Я шёл на северо-запад. Точнее, на север — туда, где по ночам горизонт был чист, не затянут багровым заревом, похожим на зарево над горящим заводом. Там, за хребтами, лежали земли, о которых я ничего не знал, но чутьё подсказывало: это шанс. Местность менялась: каменистые осыпи сменились пологими холмами, поросшими чахлым кустарником и низкорослой сосной. Потом пошли туманы. Густые, белёсые, они выползали из низин и лежали до полудня, скрывая землю.

Я спустился в долину, где река — неширокая, но быстрая и говорливая — разливалась на десятки проток среди кочек

и островков. Воздух изменился: к привычной гари примешался новый запах — сладковатый, гнилостный, какой бывает на старых свалках органических отходов в жаркий день. Деревья, что попадались по берегам, стояли мёртвые, с голыми, скрученными ветвями. Это была пойма Энтовой Купели, но тогда я не знал её имени. Чутьё инспектора, годами отточенное на выявлении неблагополучных объектов, буквально вопило: это место — очаг заражения. Биологическая опасность. Всё, чему меня учили, требовало надеть защитный костюм и вызвать санитарную бригаду. Но ни костюма, ни бригады у меня не было. Был только я, моя дубина и моя новая каменная шкура.

А потом я увидел их. Впереди, над трясинной, мерцали огни. Маленькие, зеленовато-белые, они колыхались, плыли в воздухе, маня к себе. У меня перехватило дыхание. Детство в ауле, бабушкины рассказы о болотных огнях, которые заводят путников в топь... Но это были не сказки. Это было передо мной.

Я замер на краю большой заводи. Вода здесь была чёрная, маслянистая, и в ней... В ней лежали тела. Сотни лиц смотрели на меня из глубины. Я никогда не видел таких существ — ни в одной энциклопедии, ни в одном учебнике не найти. Первыми бросились в глаза лица — прекрасные, высоколобые, с острыми чертами. Кожа бледная, волосы длинные, струящиеся в воде, точно водоросли. Они походили на людей, но были слишком... совершенны. Будто художник на-

рисовал идеального человека, а потом вдохнул в рисунок жизнь. Рядом лежали другие — обычные люди в ржавых доспехах, с бородами, с рублеными шрамами на щеках. А чуть дальше — совсем иные: приплюснутые морды с выступающими клыками, тяжёлые надбровья, короткие кривые ноги. Точь-в-точь те твари, что гнали меня в пещерах. И поодаль — ещё: гигантские волчьи туши в ошейниках, останки лошадей с сёдлами, обломки щитов и знамён. Это было поле боя, и река за долгие месяцы стащила павших в эту низину, превратив её в жуткий погост под открытым небом.

Огни приблизились. Теперь я различал: это были не просто огни, а как будто... сгустки света, внутри которых что-то теплилось. Они не жгли, но от них веяло холодом. Холодом и тоской. Я почувствовал, как что-то тянет меня — не за руку, а прямо за мысли, за душу. Иди к нам. Смотри на нас. Оставайся с нами. Голоса не было, но слова звучали в голове отчётливо, как будто кто-то нашёптывал в ухо.

— Я не с вами, — прохрипел я. — Я живой... пока живой.

Я попятился. Шаг, другой. Нога провалилась по колено в жидкую грязь, и меня дёрнуло холодом. Я рванулся, вытащил ногу — одна из обмоток соскользнула и осталась в трясине. Но мне было плевать. Я отступал, сжимая дубину, и огни медленно, нехотя отстали. Только лица продолжали смотреть — безмолвно, бездвигжно, бесконечно.

Хорошо, сказал я себе, когда страх немного отступил. Я не могу обойти болота. Не знаю дороги. Значит, придётся

идти через них. Но как? И тут сработала профессиональная привычка: всякая проблема решается составлением плана.

На рассвете, сидя под корявым деревом на краю болот и обматывая босую ногу тряпьем, я составил этот план. Первое: защита ног. Трясина — это не просто вода и грязь. В ней могут быть ядовитые вещества, трупные токсины, продукты разложения. Я не знал, действуют ли они на монстра, но проверять не собирался. Я надрал коры с дерева, связал полосами ткани и соорудил подобие высоких обмоток для ног (сам про себя я, конечно, называл их бахилами — привет Роспотребнадзору). Второе: защита дыхания. Надышаться болотным газом — значит, потерять голову или задохнуться. Я разорвал остатки мешковины, сложил в несколько слоёв, смочил в бочажке с относительно прозрачной водой, который заметил у края трясины, и обвязал вокруг носа и рта. Получилась импровизированная марлевая повязка. Третье: опора. Я срезал длинный шест, упёр его конец в расщелину валуна и несколькими ударами дубины расщепил наискось — получился грубый, но острый щуп. Им я буду проверять почву перед каждым шагом.

Снаряжённый таким образом, я двинулся в болота на следующую ночь. Выглядел я, наверное, как оживший кошмар: огромный монстр в противогазной повязке, с шестом в одной руке и дубиной в другой, шагающий по колено в трясине. Но мне было не до смеха.

Идти оказалось тяжелее, чем я думал. Щуп постоянно

проваливался в бездонную грязь, и мне приходилось нащупывать обходные пути. Несколько раз я чудом не ушёл в топь — спасала только моя огромная сила: я успевал ухватиться за корягу или поваленное дерево и вытянуть себя. Огни возвращались каждую ночь и кружили рядом, заглядывая в лицо. Один раз пламя метнулось особенно близко, и я увидел в нём лицо — одно из тех, прекрасных, с острыми ушами. Эльфийское? Теперь я почти не сомневался. Оно смотрело сквозь меня, и холод сковал сердце. Я выставил шест, как копьё, и огонь отпрянул.

На третий день (вернее, третью ночь — дни я переживал, вжимаясь в относительно сухие кочки) я наткнулся на труп. Не древний, а свежий — одно из тех существ, которых я мысленно уже называл «орками». Разведчик, судя по снаряжению. Он лежал лицом в грязь, и его уже начало засасывать. Рядом валялся заплечный мешок. Я, преодолевая брезгливость, обыскал его. Сухой паёк — что-то вроде твёрдых лепёшек, есть не стал, но выбросил. Кремень и кресало — вот это ценность. Я забрал. И ещё кожаную полоску с грубыми зарубками и значками — не то карта, не то памятка разведчика, где было отмечено направление по цепочке примет: скала-череп-дерево. Язык был чужой, оркский, но смысл угадывался: тропа шла по краю болот, вдоль подножия гор. Значит, маршрут здесь был. Использовали твари.

Я двинулся в указанном направлении. Вскоре действительно обнаружилась тропа — вернее, цепочка относитель-

но твёрдых мест, по которым можно было пройти. Орки, или как их там называли в том фильме, пользовались этим маршрутом, и, значит, он выведет меня. Мысль о том, что я иду по следам врага, не радовала, но выбора не было.

Через пять ночей, когда я уже почти отчаялся, болота начали отступать. Земля стала твёрже, вода чище, появились живые деревья. Я вышел к быстрому ручью, впадающему в широкую реку, и, не помня себя от радости, упал на колени и пил — долго, жадно. А потом долго мылся, смывая с себя болотную вонь и грязь. Это было почти счастье.

Оглянувшись на восток, я увидел только серую дымку. Мёртвые болота остались позади, и в памяти они уже казались страшным сном. Но я знал, что сон этот — явь. И лица мёртвых я не забуду никогда. А ещё я знал другое: та фантастика из кинотеатра, похоже, вовсе не была фантастикой. И если здесь есть эльфы и орки, то... что ещё из того фильма может оказаться правдой, жаль что я не запомнил ни персонажей ни сюжет, почти весь фильм продремав в кресле.

С новыми силами, с кремнем в кармане и картой за пазухой, я двинулся дальше. Впереди, я чувствовал, должна быть река — большая, настоящая река. И, может быть, люди. Настоящие люди, а не ожившие картинки из забытого кино.

Я шёл на северо-запад вдоль восточного берега большой реки, ночуя в оврагах и под корнями, питаюсь рыбой и изредка — найденными съедобными кореньями. Мытьё в каждом встреченном ручье стало ритуалом, почти молитвой. Глина

была моим мылом, трава — мочалкой. Это помогало чувствовать себя человеком.

На пятые или шестые сутки после болот река начала забираться к западу, а я, стараясь не терять её из виду, пересёк каменистые холмы и вышел к широкой равнине. За ней, впереди, угадывалась ещё одна река — Энтова Купель, как я потом узнал. Я перешёл её вброд там, где течение было спокойным, и оказался на земле, покрытой сочной травой. Степь. Настоящая степь, почти как дома. И впервые за всё время я увидел его — золотой свет. Не резкий, не обжигающий, как солнце, а мягкий, тёплый, словно от тысяч свечей или от большого города. Он разливался далеко впереди. Я поднял свою уродливую ладонь и сжал рукоять дубины. Пусть снаружи я чудовище. Но внутри — Рустам из Орска. Инспектор, который прошёл через Мёртвые болота и не сошёл с ума. Человек, умеющий находить выход из безнадёжных ситуаций. Я доберусь туда. И будь что будет.

Золотой свет, который я видел с холмов, не был ни пожаром, ни колдовским сиянием. Когда я спустился на равнину и прополз, прячась за холмами, до первых костров, мне открылась картина, от которой перехватило горло. Огромное море травы колыхалось под ветром, и в нём, точно острова, горели сотни костров — одни маленькие, семейные, другие

большие, вокруг которых толпились люди. Пахло дымом, лошадиным потом и чем-то кисловатым, вроде кваса или кумыса. Это был целый кочевой город, развернувшийся посреди степи, с шатрами, повозками и табунами, уходящими за горизонт.

Я лёг в ложбину и долго смотрел. Люди здесь были рослые, светловолосые, бородатые, одетые в меха и грубую шерсть. Они двигались свободно, много смеялись, звенели оружием. Всадники гарцевали между костров, и даже в ночи я слышал дробный перестук копыт. Это не походило на тех уродов, что гнали меня в пещерах, и не напоминало угрюмых следопытов с луками. Это был народ — живой, полный сил, и я, огромный серый монстр с дубиной, выглядел среди них как медведь в посудной лавке. Надо было решаться: либо обойти стойбище стороной и брести дальше в неизвестность, либо попытаться вступить в контакт. Инспектор Рустам никогда не боялся входить в чужие заведения с проверкой. Только сейчас вместо служебной формы у меня была каменная кожа, а вместо служебного удостоверения — дубина.

Дозорные заметили меня прежде, чем я заметил их. Ветер дул в их сторону, и кони почуяли чужой запах. Я только поднялся из оврага, как десяток всадников вылетел из темноты, окружая меня полукругом. Копыта грохотали, факелы шипели, в воздухе мелькали наконечники копий. Огромный бородач в меховом плаще, на сером в яблоках коне, гаркнул что-то зычное, и остальные замерли в пяти шагах. Я видел,

как белеют их лица, как напрягаются руки, сжимающие поводья. Ещё бы: перед ними стоял монстр ростом в три с половиной метра, косая сажень в плечах, с дубиной, похожей на телеграфный столб.

Я медленно, очень медленно опустил дубину наземь и выпрямился, показывая пустые ладони. Получилось не очень: ладони у меня теперь были размером с лопату, и каждая могла бы сойти за оружие. Всадник на сером коне что-то резко сказал, и я уловил ритм языка — гортанный, с протяжными гласными, отдалённо напоминавший речь моих преследователей, но мягче. Я напряг свой новый мозг, пытаюсь подобрать слова. Странное это было чувство: я не столько понимал слова, сколько угадывал образы, которые они несли, — будто мысль сама находила во мне отклик.

— Рустам, — прохрипел я, стараясь не рычать. — Друг. Не враг.

Язык мой был беден — едва два десятка слов, схваченных за дни плена из брани и окриков орков-надсмотрщиков; но, на счастье, говор эорлингов оказался тому наречию близким, будто ветви одного корня, а новое чутьё помогало угадывать смысл по интонации и образам, как зверь угадывает погоду по запаху ветра.

Всадники переглянулись. Конь под бородачом всхрапнул, прядая ушами, но всадник удержал его. Он что-то спросил, тыча копьём в мою сторону. Я снова повторил:

— Рустам. Человек... был. Умер. Стал... это. — я обвёл

себя лапищей. — Не убивать. Мыться. Рыба ловить. Иду... на запад.

Они явно не поняли и половины, но то, что монстр говорит, произвело впечатление. Бородач сплюнул, произнёс короткое слово, и двое всадников спешили, вытаскивая верёвки. Я не сопротивлялся, когда мне связывали руки за спиной — верёвка была толстой, но я чувствовал, что мог бы разорвать её одним движением. Однако я не хотел крови. Вместо этого я покорно позволил вести себя к лагерю, шагая медленно, чтобы не пугать лошадей. За мной бежали мальчишки, крича что-то восторженное, женщины выглядывали из шатров, и их лица искажал страх пополам с изумлением. Я чувствовал себя экспонатом в кунсткамере, но идти приходилось.

Меня привязали к огромной телеге у края лагеря. Верёвки были намотаны в несколько слоёв, но я всё равно ощущал, как играют мускулы под серой кожей. На ночь меня оставили под охраной двух молодых воинов, которые сидели поодаль и тихо переговаривались, бросая на меня косые взгляды. Я сидел, привалившись спиной к колесу, и смотрел на звёзды. Те же чужие созвездия, никакой Медведицы. Но Большая Медведица мне сейчас и не нужна была — я думал о том, что впервые за всё время нахожусь среди людей, которые не воняют гнилью и не тычут плётками. У них, конечно, антисанитария на марше: туши лошадей разделявают прямо на земле, воду берут из мутного ручья, о мытье рук перед едой,

похоже, не слышали. Инспектор внутри меня скрипел зубами, но инспектор понимал: сейчас главное — выжить и расположить к себе.

Утром, когда небо на востоке начало сереть, я почувствовал, как кожа на открытом участке плеча немеет. Я дёрнулся, натягивая верёвки, и один из стражей, увидев мою реакцию, что-то крикнул. Прибежали люди, накинули на меня плотную попону, укрыли от света. Я сидел под этим пологом, дыша пылью и лошадиным духом, и благодарил судьбу за то, что эти люди не желали моей смерти, хотя и боялись.

В полдень, когда солнце стояло высоко, ко мне пришли старейшины. Я слышал их шаги и голоса: говорили несколько мужчин, один особенно властный, и, кажется, женщина. Попона была откинута, и я увидел их. Высокий старик с длинной седой бородой, одетый в добротный плащ с вышивкой, стоял впереди. Рядом с ним — крепкий воин лет сорока, тот самый бородач, что командовал ночным дозором, и женщина в платке, с лицом властным и умным. Они смотрели на меня, и я смотрел на них.

— Ты говорить, — сказал старик на том же языке, но медленно, словно пробуя слова. — Ты не простой тролль. Ты кто?

Я облизал губы и заговорил. Рассказывал долго, путаясь в словах, мешая их же наречие с теми обрывками, что уже набрал от преследователей. Рассказал, что я человек, что умер в своём мире, в городе Орске, где текут реки и ездят маши-

ны. Что был инспектором — «проверяющим» — и следил за чистотой и порядком. Что очнулся в пещере, в этом теле, и бежал. Что шёл долгие ночи, мылся глиной, ловил рыбу и не убил ни одного человека. В доказательство я кивнул на свою дубину, которую, ещё связанным, положили рядом.

— Сделал сам, — сказал я. — Чтобы защищаться. Не падать.

Женщина что-то быстро спросила у старика, и тот кивнул. Она подошла ближе, бесстрашно заглянула мне в глаза и вдруг протянула руку, коснувшись моего плеча. Пальцы у неё были тёплые, и я вздрогнул. Она отдёрнула руку и сказала:

— Чистый. Пахнет рекой. Тролли не моются, а этот...

Она не договорила, но я понял. Старик задумчиво погладил бороду и обратился ко мне:

— Мой народ — Эорлинги, дети Эорла. Мы живём на этой земле и защищаем её от врагов. Тролли всегда были слугами Тьмы. Но ты... иной. Твои слова могут быть ложью, но твой запах и твои поступки говорят за тебя. Мы не можем пустить тебя в лагерь, но мы можем испытать тебя. Ты говоришь, что ловишь рыбу? Покажи. Ты нужен ночной страже у дальних табунов. Там волки и твари хуже. Если ты защитишь наш скот и не тронешь людей, мы назовём тебя гостем.

Я узнал этот взгляд. Так смотрят командиры, которым позарез нужны люди — любые, даже странные. Восточный дозор Эомера прикрывал границу едва ли тремя сотнями всад-

ников, а за Андудином, как я позже узнал, уже шевелилась тьма. Тролль, который говорит «друг» и ловит рыбу, был для него шансом. Пусть и безумным.

Я склонил голову. Это было больше, чем я смел надеяться. Мне развязали руки и отвели к дальнему краю лагеря, где протекал мутноватый ручей. Мне выделили место под навесом, закрывавшим от солнца, и сказали, что отныне я ночной пастух. Моей первой задачей было переловить всю рыбу в ручье, чтобы старейшины убедились, что я не вру.

Рыбу я ловил руками. Закатал штаны — вернее, остатки мешковины, что мне дали, — зашёл в воду по колено и принялся ждать. Степные рыбы были глупыми, непугаными, и через час я выбросил на берег десятка полтора серебристых тушек. Собралась толпа: воины, женщины, дети. Они смотрели, как тролль, похожий на серую скалу, стоит в ручье и аккуратно, почти нежно подхватывает рыбу ладонями. Кто-то засмеялся, кто-то захлопал в ладоши. Старик, глава рода, покачал головой и произнёс:

— Каменный Рыбак.

Так я получил имя. На их языке это звучало примерно как «Стан-Фискер», но я перевёл про себя. Стан-Фискер. Каменный Рыбак. По крайней мере, это было лучше, чем «эй, тролль» или «чудовище».

Моя новая жизнь началась с ночных дежурств. Табун, ко-

торый мне доверили, пасся в ложине в полчасе ходьбы от лагеря. Лошадей было голов двести: низкорослые, мохнатые, с умными глазами. Сначала они шарахались от меня, но я не делал резких движений, просто сидел на холме и смотрел. На третью ночь самый старый жеребец, седой и шрамоватый, подошёл ко мне, обнюхал и ткнулся мордой в плечо. Я погладил его по храпу, и с тех пор лошади меня приняли. Я даже научился различать их — не по именам, конечно, а по звёздочкам на лбу, по походке. Инспектор Рустам всегда был внимателен к деталям.

Волки пришли на пятую ночь. Степные волки, крупнее тех, что я видел в своём мире, но обычные звери, без того злобного огня в глазах, который позже научился распознавать. Они почуяли табун и начали кружить, заходя с подветренной стороны. Старый жеребец всхрапнул, и я встал. Дубина сама легла в ладонь.

Я не стал дожидаться, пока они нападут. Издав низкий утробный рык — тот самый, от которого когда-то в пещерах дрожали стены, — я двинулся на ближайший силуэт. Волки замерли. В их глазах я видел расчёт: стоя против одного гиганта. Они не знали, что гигант — инспектор Роспотребнадзора и прекрасно умеет оценивать риски. Я не стал размахивать дубиной, а просто рявкнул так, что степь зазвенела. Волки, поджав хвосты, отступили. Вожак, огромный серый самец, ещё раз посмотрел на меня, будто прикидывал, можно ли меня свалить всей стаей... и ушёл. Я простоял непо-

движно до самого рассвета. Наутро пастухи, сменившие меня, увидели следы и поняли, что табун остался цел. Это подняло мою репутацию выше, чем любая речь.

Но через несколько ночей волки вернулись. То ли другая стая, то ли прежняя, только теперь их было много, очень много. Я насчитал не меньше дюжины теней, скользящих в высокой траве. Шли молча — ни рыка, ни взвизга. И вожак, тот самый серый, вёл их прямо на табун. В воздухе стоял густой запах псины и голодной слюны.

На этот раз рык не помог. Они знали меня и знали, что я один. Первая пара бросилась не на меня — на лошадей. Я метнулся наперерез, дубина описала широкую дугу, и одного волка отбросило в сторону с перебитым хребтом. Второй успел увернуться, но я придавил его ногой, впечатав в землю. Стая на миг замерла, а потом, подгоняемая голодом и яростью, ринулась всей кучей.

Я встал спиной к небольшому валуну, прикрывая табун с фланга. Дубина мелькала в моих лапах, как палица былинного богатыря. Волки прыгали, вцеплялись в мои ноги и бока, но каменная шкура держала — их клыки не пробивали затвердевшую кожу, лишь оставляли белые царапины. Одного я схватил за шкуру и швырнул в набегавших собратьев, сбив сразу двоих. Вожак оказался умнее прочих: он не лез в драку, а кружил, высматривая слабое место. И дождался — когда я замахнулся на молодого волка, серый прыгнул мне на плечо, метя в горло. Я успел прикрыться локтем, и его челю-

сти сомкнулись на каменной руке, высекая крошку. Рывком я стряхнул его на землю и, не раздумывая, обрушил сверху дубину. Хруст — и вожак затих.

Стая, потеряв вожака и ещё несколько сородичей, рассыпалась. Оставшиеся волки, подвывая, отступили в степь. Я стоял, тяжело дыша, глядя на мёртвых зверей. Первая кровь в этом мире. Но на душе было... спокойно. Я защищал. Я не убивал людей.

Однако профессиональная привычка не позволила мне просто отойти и забыть. Трупы животных — это всегда источник опасности. Инспектор Рустам знал: падаль привлекает мух, мухи садятся на пищу, а потом люди мрут от дизентерии. А ещё волк — потенциальный переносчик бешенства, той самой водобоязни, которую лечить не умеют даже в лучших больницах моего мира, не говоря уж об этом.

Я присел на корточки перед вожаком. Огромный серый самец лежал на боку, оскалив пасть в последнем рывке. Я взял палку, откинул его верхнюю губу. Дёсны были тёмные, здоровые, без язв. Слюна — обычная, не пенистая, не вязкая. Глаза чистые, не мутные. Хорошо. Бешенство, если оно тут вообще водится, эту стаю миновало.

На всякий случай я осмотрел и второго волка, молодого, которого придавил ногой. Та же картина: нормальная слизистая, никаких признаков поражения нервной системы. Оно и понятно: бешеный зверь не действует так расчётливо, не заходит с подветренной стороны. Он бросается без оглядки,

без тактики. Эти были голодные, но здоровые.

Потом я перевернул вожака на спину, раздвинул шерсть на животе. Так и есть: блохи. Мелкие, чёрные, они прыгали по остывающей шкуре, ища, куда перебраться. Я отряхнул пальцы и машинально потянулся за санитарной книжкой, которой у меня, разумеется, не было. Пришлось напомнить себе: ты тролль, а не санэпиднадзор. Но привычки не вытравишь.

Когда рассвело и пришли воины, я встретил их коротким отчётом:

— Стая ликвидирована. Бешенства нет. Но туши лучше сжечь — блохи, глисты, да и просто падаль разводить ни к чему.

Бородатый Командир посмотрел на меня, потом на волков, потом снова на меня.

— Ты осматривал мёртвых волков?

— А ты нет? — искренне удивился я.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Туши сожгли в тот же день, и я с удовлетворением отметил, что эорлинги хоть и дикий народ, но к советам тролля-инспектора уже прислушиваются. Маленькая победа. Гигиеническая.

Однажды я даже провёл «инспекцию» колодца в центре лагеря — просто заглянул, оценил прозрачность, понюхал и велел не сбрасывать туда отходы. Старики посмеялись, но колодец отгородили.

Язык я учил жадно. Через месяц уже мог объясняться без

запинок, впитывая их слова, как губка. Эорлинги говорили певуче, с множеством образов: ветер называли «гривой неба», а степь — «зелёным морем». Это было чуждо, но красиво. Я рассказывал им о своей земле — о бескрайних оренбургских степях, о реке Урал, о том, как проверял столовые и штрафовал за грязные кухни. Они не понимали, что такое «столовая» и «штраф», но история о говорящем тролле из далёкого города, где дома из камня и железа, стала чем-то вроде легенды.

Всё изменилось после набега. Это было под утро, когда небо только начинало сереть, и я уже собирался уходить в тень. Со стороны дальнего дозора прискакал всадник — молодой парень, весь в крови, с криком о том, что с запада идут чужаки. Не уроды из моих пещер, а другие — он назвал их дунландцами. Они резали скот и жгли крайние повозки.

Лагерь взорвался криками. Женщины хватали детей, мужчины бежали к коням. Я стоял в нерешительности: солнце вот-вот должно было взойти, и каждая секунда на свету делала мою кожу каменной. Но я видел, как горят шатры, как падают люди, и не мог остаться в стороне. Я накинул на плечи толстую попону, натянул её, как плащ с капюшоном, и, схватив дубину, побежал на западную окраину. Кожа на щеке немела, но я бежал.

Там кипел бой. Чужаки — десятка три всадников — провалились к табуну и теперь отбивались от эорлингских воинов. Я ворвался в схватку без крика, просто обрушив дуби-

ну на ближайшего всадника. Конь шарахнулся, всадник кувырком полетел на землю. Я двигался, как таран, прикрывая собой раненого эорлинга, пока его не утащили в тыл. Солнце уже вставало, лучи жалили сквозь попону, но я держался. В какой-то момент я увидел Командира — он бился с двумя противниками сразу, и один заходил со спины. Я метнул дубину, как копье, и она сбила врага с ног. Командир обернулся, встретился со мной взглядом и что-то крикнул — не страх, не гнев, а... благодарность.

Бой затих быстро: нападавшие, потеряв половину людей, отступили в степь. Я стоял, шатаюсь, прижимая попону к обожжённому плечу. Кожа на нём закаменела и потрескалась, но кость не пострадала. Меня отвели под навес, женщины принесли мази, от которых камень начал смягчаться. Командир пришёл вечером, сел рядом и долго молчал. Потом сказал:

— Ты сражался на свету, Каменный Рыбак. Ни один тролль не делает так. Ты спас моего брата. Теперь ты не гость. Ты — друг нашего рода.

Я молча кивнул. В горле стоял ком. И, сидя под степными звёздами у костра, я вдруг понял, что золотой свет, который я видел с холмов, шёл не от костров и не от зари. Он шёл от этих людей — грубых, грязных, но живых и добрых сердцем. И пусть я оставался троллем снаружи, внутри я снова становился человеком. Даже если тот человек из Орска навсегда остался под колёсами на перекрёстке проспекта Мира

и Станиславского.

Вечер у костра был тихим, без ветра. Дым поднимался прямо вверх, к чужим звёздам, а я сидел, прислонившись спиной к тележному колесу, и плёл леску из конского волоса — учился у одной из женщин. Рядом, посасывая рыбы косточки, устроились мальчишки. Их было четверо: двое сыновей Командира и пара соседских сорванцов. Они уже перестали меня бояться и теперь донимали вопросами не хуже, чем оренбургские проверяющие из области.

— Каменный Рыбак, — начал старший, белобрысый парнишка с вечно сбитыми коленками, — ты говорил, твой город называется Орск?

Я нахмурился, перебирая в памяти, когда это я произносил при них название. Кажется, когда рассказывал про перекрёсток Станиславского и проспекта Мира — они тогда спросили, что такое «улица» и «проспект».

— Орск, — поправил я. — Орск. Без лишнего звука.

Мальчишка переглянулся с остальными, и младший, чумазый, с выгоревшими на солнце волосами, выпалил:

— Орск? Это город орков, да? Ты поэтому такой большой и серый?

Я замер. Секунду смотрел на их серьёзные мордочки, потом запрокинул голову и захохотал. Точнее, издал тот самый низкий, клокочущий рык, который у меня заменял смех. Дети сначала шарахнулись, потом поняли, что я не злюсь, и заулыбались.

— Орск, — повторил я, отсмеявшись, — не от слова «орк». У нас, у людей, слова звучат похоже, но смысл совсем другой. Мой город стоит на реке Орь. Давным-давно, когда ваши предки ещё, может, и до этих краёв не дошли, в моём мире на берегу этой реки заложили крепость. Крепость — это такие большие каменные стены, чтобы обороняться от врагов. И назвали её по имени реки: Орь-крепость. Орск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.